

читателя очень полезная и своевременная книга «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII—XX вв.».

Сергей Красильников: *Размышления о социальной стратификации России/СССР в XX в.*

Sergei Krasilnikov (Institute of History, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk): Reflections on the social stratification of Russia/USSR in the 20th century

DOI: 10.31857/S086956870013453-9

Социальная стратификация объединяет исследователей социогуманитарных наук по своему объекту и разъединяет/дифференцирует их по применяемым подходам и методам. Из весьма квалифицированно выполненного авторами обзора (раздел I) следует, что по своему объекту — это поле деятельности прежде всего социологии и истории. Безусловно, историки не являются простыми «реципиентами» инструментария социальных наук, адаптируя его к целям своих исследований, а выступают творческими посредниками между эмпирическими данными источников о прошлом и теориями, моделями, схемами, в которых оно описывается. Грань между дисциплинами достаточно проницаемая: об этом говорят творческие биографии О.И. Шкаратана, В.Э. Шляпентоха, А.С. Ахиезера и ряда других учёных, предложивших свои модели изучения отечественной социетальной системы в её исторической динамике, свободно оперируя методами обеих наук. При этом очевидно, что структурирование уровней «социального» (макро-, мезо-, микроуровни) остаётся прерогативой социологии. Безусловно, важнейшей остаётся проблема адекватной адаптации историками разработанного социологами инструментария для своих потребностей.

Так, широко ныне распространённый среди историков подход к рассмотрению социоструктурной динамики России/СССР с позиций социального конструирования, или социальной инженерии, т.е. с позиций целей власти по переструктурированию общества «под себя», имеет свои возможности и ограничения. Во все времена существовала и трансформировалась политика государства по регулированию социальных процессов в направлении соотношения интересов власти и групп общества. Это, с одной стороны, учёт социального, демографического, трудового потенциалов населения, стратегии и практики его использования для нужд и целей государства. Но, с другой стороны, есть такие объективно идущие в обществе процессы, как социальная мобильность, миграция, маргинальность, обусловленные интересами больших, средних и малых групп населения, а не только государственными интересами и потребностями. В каждом из названных выше феноменов есть свои грани, измерения которых необходимы. Социальная мобильность — это и процесс, и политика в данной сфере в их очень сложном сочетании. То же следует сказать о миграции и маргинальности. Политика в отношении социальных процессов может приобретать формы содействия и воздействия, может быть наблюдательной/корректирующей/мобилизационной/принудительной, в зависимости от понимания и оценки ситуаций институтами власти.

На наш взгляд, применительно к постреволюционной эпохе, или, как сейчас её принято обозначать, раннесоветской (именно о ней, прежде всего, далее пойдёт речь), исследователи имеют дело с громадными амбициями власти в области социальной инженерии и возможностями их осуществления, учитывая

реальное состояние отечественного социума и реакцию различных общностей на политику государства. На входе в эпоху мы имеем, воспользовавшись метафорой М. Левина, «общество зыбучих песков», перед Великой Отечественной войной видим уже достаточно жёстко стратифицированную социальную систему, именуемую «советским обществом». Насколько закреплённую, настолько и подвижную, где интенсивность социальной динамики столь значительна, а доля переходных, маргинальных групп и состояний столь высока, что масштабы социальной текучести заставляют власть действовать на практике всё более жёсткими методами. Представляется, что социальную политику сталинского режима можно характеризовать как разрыв между продекларированными целями и ожидавшимися результатами, и результатами непреднамеренными, т.е. последствиями их реализации. Под данным углом зрения и выскажем некоторые суждения, возникшие в ходе знакомства с рядом глав коллективной работы.

Следует отдать должное автору главы 4 (раздел II) К.Д. Бугрову, который нашёл достаточно нестандартную форму для анализа большевистской идеологии и практики в сфере «перекраивания» социальной структуры, или, выражаясь в понятиях марксистской терминологии, партийная власть/надстройка «погрузилась» в социальный базис, чтобы сформировать, переструктурировать его «под себя». Compliments автору за то, что нетривиальность подхода вызвала желание прочесть главу «на одном дыхании». Действительно, Бугров демонстрирует глубокое проникновение в идеолого-пропагандистский язык раннесоветской эпохи, заставляя анализируемые тексты проговаривать не только то, что они внешне собой являют, но и то, что вскрывается аналитическим скальпелем — технологию манипуляции смыслами и понятиями (эффективную или наоборот) для достижения главной цели — обеспечить устойчивость большевистской системы власти. Впрочем, стоит заметить, что увлекательный путеводитель по произведениям классиков теории и практики большевизма (Н.И. Бухарина, Е.А. Преображенского, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина и примкнувших к последнему иных деятелей), впечатляющий своей тонкостью, является, прежде всего, некоторым интеллектуальным раздражителем для социальных историков раннесоветской эпохи.

Что из этого следует? «Приземлить» эти идеологические доктринальные кружева, адаптировать их к пониманию суровой, эпической реальности постреволюционной эпохи, установить и найти средства для замера зияющего разрыва между «языком власти» и состоянием общества («телом массы»). Нельзя сказать, что такого рода замеров по марксистской шкале был недостаток: в качестве государственного института социальная статистика работала исправно. Работали исправно и историки, интерпретировавшие эти результаты. Однако если рассматривать итоги советской историографии по изучению раннесоветской социоструктурной динамики, то найдется только одна работа, фактически состоявшая из двух изданий с датами выхода в 1976 и 1979 гг.³⁰ Как видим, указанному историческому проекту 40 лет. При всей заданности самого подхода, эти книги имеют под собой солидный статистический фундамент, который в немалой своей части актуален и поныне. А дальше, используя образ В. Высоцкого, — «бег на месте, общепримирающий», и в концептуальном, и в эмпирическом измерении.

³⁰ Изменения социальной структуры советского общества. Октябрь 1917—1920. М., 1976; Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов. М., 1979.

Постсоветский период, при всём его многообразии подходов, идей и методов, даёт картину не очень оптимистичную. Социальные истории, образно говоря, преуспели в изучении «головы» (лидеры + номенклатура) и «хвоста» (маргинальные группы) социальной системы. Появилась масса исследований по отдельным группам, общностям, особенно корпоративного типа (учёные, инженеры, чекисты и т.д.). Но такого рода сегментирование советского социума, без его вписывания в координаты избранной тем или иным историком общей концепции социоструктурной динамики, выбора адекватных подходов и инструментария (здесь оказались очень кстати навыки и владение построением теории среднего уровня), не имеет серьёзной научной перспективы. Отмечу, впрочем, что в высшей степени интересную для историков концепцию о типе отечественной социальной системы как этакратической предложил исследователь старшего поколения О.И. Шкаратан³¹. Но в качестве точки отсчёта возмём видение стратификационной проблемы глазами выдающегося писателя и мыслителя Дж. Оруэлла.

Оруэлл предлагает рассматривать стратификацию любого общества в предельно редуцированном виде. Принцип деления общества на три группы — высшие/средние/низшие — использован в обсуждаемой книге в качестве эпиграфа к разделу III «Модели социального». Однако далее Оруэлл предлагает более осязаемую и замеряемую стратификацию тоталитарного общества, и она также приобретает модель «трёхчленки» — «внутренняя партия»/«внешняя партия»/«пролы». Здесь заложен потенциал для принципов подхода к структурированию советского общества, где под внутренней партией будет подразумеваться номенклатура (высшая и средняя), под внешней — рядовые члены партии, а также низовой аппаратный люд с партийными билетами, а низшая социальная группа — «пролы» — обобщённое наименование всех тех, кто занят тяжёлым, зависимым трудом³². Более развёрнуто: «Вершина пирамиды — Старший Брат... Под Старшим Братом — внутренняя партия — это чуть меньше двух процентов населения Океании. Под внутренней партией — внешняя партия; если внутреннюю уподобить мозгу государства, то внешнюю можно назвать руками. Ниже — бессловесная масса, которую мы привычно именуем пролами; они составляют, по-видимому, восемьдесят пять процентов населения»³³. Впрочем, есть у Оруэлла и те, кто находится вне общества — маргинальные группы (заключённые, военнопленные). Сам характер власти он обозначил термином «олигархический коллективизм». В своём органичном неприятии тоталитаризма Оруэлл в оценке природы сталинского режима скорее был солидарен с теми, кто характеризовал его как «особо отвратительную форму государственного капитализма»³⁴. В рецензии на изданную в 1937 г. книгу Ю. Лайонса «Командировка в утопию», где тот написал о своей работе корреспондентом агентства «Юнайтед пресс» в СССР в 1928—1934 гг., Оруэлл заметил: «Вся реальная власть сосредоточена в руках двух или трёх миллионов людей, у городского пролетариата — теоретически, наследника революции — отнято даже элементарное право на забастовку; а совсем недавно, с введением паспортной системы, он низведён

³¹ Шкаратан О.И. Этакратизм и российская социетальная система // *Общественные науки и современность*. 2004. № 4. С. 49—62.

³² Оруэлл Дж. 1984. М., 1989. С. 150.

³³ Там же. С. 163—164.

³⁴ Оруэлл Дж. Скотный двор. Эссе. М., 2016. С. 236.

до статуса почти крепостных»³⁵. Последуем вслед за Оруэллом в поисках «простых» стратификационных признаков для наших целей.

При внимательном соприкосновении с социальными идентификаторами в постреволюционном/раннесоветском обществе нетрудно убедиться, что действия большевистского режима во взглядах на принципы трансформации социальной структуры в желаемом направлении и законодательно закреплялись, сводились к достаточно простым решениям. Обращение к тексту первой советской Конституции (1918) указывает на принципиально новое стратификационное деление — на обладавших избирательными правами и лиц, лишавшихся таковых («лишенцев»). Применение данного вполне дискриминационного критерия в социальной практике привело к тому, что к концу 1920-х гг. насчитывалось восемь категорий «лишенцев», поставленных на учёт, а их совокупная численность (вместе с членами семей) превышала 3 млн человек. Последующая практика привела к созданию системы категорий «лишенцев», ветвление которой позволяло создавать, конструировать другие учётно-дискриминационные и репрессированные категории. Сельские «лишенцы» становились основной массой депортированных семей с 1930 г.; в том же году начался массовый призыв членов семей «лишенцев» из числа мужчин призывных возрастов в части тылового ополчения. В 1930 г. была проведена операция по «зачистке» командного состава Красной армии от служивших в ней бывших белых офицеров (операция ОГПУ под названием «Весна»). В начале 1930-х гг. произведены массовые аресты священнослужителей³⁶. Другой, не менее яркий идентификационный признак/принцип проявил себя в конце 1932 г. в связи с введением в стране паспортной системы. Взрослое население страны разделилось на получивших/имевших/обладавших паспортами и их не имевших (образ Паниковского — «человека без паспорта»). Введение данной нормы законодательно вызвало и повлекло за собой целый спектр прав и ограничений, став с 1930-х гг. одним из важнейших стратификационных признаков для жителей страны. На этой основе закрепились и в дальнейшем формировалась экстерриториальность как пространственный признак (города, стратифицированные по режимным основаниям) и режимность в социальном измерении.

В главе 8 (раздел III) коллективной работы рассматривается феномен «атомной» общности корпоративного типа. По своей исследовательской идеологии и подходам здесь всё полностью вписывается в замысел проекта и его практическое воплощение. Профессионально структурированный и отработанный текст, весьма информативный и познавательный для историков, которые об атомном проекте имеют недостаточно знаний. Автора (Н.В. Мельникову) можно с этим поздравить, в то же время пожелав рассматривать проблематику формирования закрытых корпоративных общностей шире, с учётом их природы, истоков и трансформации в советскую эпоху. Феномен закрытости и те институты, которые на этой почве произрастают, чётко вытекают из двух фундаментальных характеристик любой государственности, которые большевистский режим довёл до предела, а затем и до абсурда. Это — охранительные и мобилизационные функции. Соединённые воедино, они дают феномен «охранительной мобилизации». Для него вырабатывается особый статус — закрытый/режимный, благодаря чему возникают «режимные люди/работники»,

³⁵ Там же. С. 237.

³⁶ Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920—1930-е годы). М., 2018; Маргиналы в советском социуме. 1930 — середина 1950-х гг. М., 2018.

«режимные статусы», «режимные территории/города» (экстерриториальность), и данный список можно продолжить. Для данной предметной области (научно-техническая сфера) «точками роста» закрытости/режимности выступали создававшиеся с 1930 г. (возможно, и раньше) Особые технические бюро (ОТБ) при Экономическом управлении ОГПУ, так называемые шарашки, куда направлялись для отбывания заключения арестованные по обвинениям «во вредительстве» учёные, преподаватели технических вузов, инженеры, техники. К 1931 г. число таковых достигло порядка 2 тыс. человек, распределённых по специальностям в 20 ОТБ. Отметим, что среди них были и те, кто затем участвовал в атомном проекте (будущий академик Н.А. Доллежал, профессор С.Н. Семихатов и др.).³⁷ После «перековки» они, за исключением тех, кто в дальнейшем был повторно репрессирован, пополняли общность «режимных людей со знаком плюс».

Сам маркер режимности в сталинскую эпоху являлся поистине универсальным. Для всех категорий «спецконтингентов» понятие «правовое положение/правовой статус» на практике не действовало — они имели режимное положение, или статус в его негативной коннотации. В своё время при изучении проблематики такого рода «режимных людей», категории ссыльного крестьянства, затем и этнических групп, многие историки, следуя по инерции за буквами тогдашних документов, писали и пишут до сих пор о «правовом положении» названных учётных, режимных категорий. При ближайшем рассмотрении эмпирических фактов всё это оказывалось юридической фикцией — они оставались «режимными людьми со знаком минус», поскольку даже после снятия с них статуса «спецконтингентов» и получения паспортов они сталкивались с рядом запретов в своей социально-профессиональной деятельности. Причём часть из них имели такой статус не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова («минусом» на профессиональном сленге именовались ограничения для ссыльных в проживании в определённых местностях). Отметим также, что по завершении строительства «атомоградов» немалая часть из возводивших их «спецконтингентов» отправлялась на Колыму, естественно, из-за режимных соображений (такого рода «особый контингент» Дальстроя на 1 января 1952 г. насчитывал, по данным исследователей, 10 348 человек)³⁸.

Не оставляет сомнений высокий профессионализм авторов (А.В. Сушков, С.В. Воробьёв) главы 7 (раздел III), посвящённой реконструкции механизмов и векторов трансформации региональной партийной номенклатуры. Примечательно, что воссозданный ими с применением комплекса методов биографики, социальной статистики и др. социальный портрет партноменклатуры исследуется в терминах «формирование», «функционирование», «деятельность» и т.д. При этом авторы почти инстинктивно избегают понятия «развитие», поскольку оно вряд ли применительно к данной корпоративной группе имеет позитивную коннотацию. Номенклатурный статус по своей природе — это состояние, требующее непрерывной борьбы попавших в корпорацию лиц за своё вхождение, закрепление, отстаивание позиций, страх их утратить, иметь шансы на продвижение внутри и т.д., которое изящно обозначено как обеспечение внутриноменклатурной «стабилизации» в брежневскую эпоху.

³⁷ См. об этом: Судебный процесс «Промпартии» 1930 г.: подготовка, проведение, итоги. Кн. 2. М., 2017. С. 156—162, 174—178.

³⁸ Мельников С.М. Особый контингент в системе Дальстроя // Колыма. 1993. № 3. С. 37—39.

Талантливо и образно выписаны портреты уральской номенклатуры высшего и отчасти среднего уровней, особенно применительно к эпохам, именным «сталинской» и «хрущёвской». «Брежневская» номенклатурная генерация освещается в более традиционном формате, насыщенном социальной статистикой, где описан «номенклатурный лес», но без акцентов на «главные номенклатурные деревья», как это сделано в первых разделах данной главы. Достаточно мастерски описывается внутрикорпоративная борьба за выживание, обозначены карьерные взлеты и падения. При рассмотрении механизмов действия «социальных лифтов» явный приоритет отдаётся изучению процессов номенклатурной вертикальной мобильности в его движении «наверх», тогда как очевидно, что не менее интенсивным по своим масштабам и последствиям являлось обратное движение. Так сложилось, что процессы номенклатурного социального «отсева», своего рода номенклатурные «хвосты» по аналогии с отработанной породой на горнодобывающих предприятиях, едва изучены.

Между тем если выйти за пределы высших и средних номенклатурных слоёв (партийных, советских, хозяйственных и др.), а затронуть низшую ступень номенклатурной лестницы, то нетрудно увидеть, что речь может идти о маргиналах «от номенклатуры», насчитывавших в сталинскую эпоху сотни тысяч, миллионы человек. Если в аппаратных звеньях трудились миллионы управленцев, почти на 100% коммунисты, то только в сталинскую эпоху при утрате номенклатурного статуса и исключении из рядов партии «отсев» оказался гигантским, катастрофически высоким. Это давало повод для формирования и поддержания присущей в 1930-х гг. Сталину и его окружению фобии о наличии пресловутой «пятой колонны», куда по охранительной логике следовало включать не только классических «врагов» из числа «бывших противников большевиков», но и самих «бывших коммунистов». Весьма впечатляющими цифрами масштабов партийного «отсева» поделился с участниками печально известного февральско-мартовского пленума ЦК партии 1937 г. секретарь Западно-Сибирского крайкома партии Р.И. Эйхе: «Мы взяли и подсчитали, сколько у нас людей с 1926 г. выбыло и исключено из партии... И вот какое соотношение получается у нас по краю: если взять исключённых и выбывших из партии, то за 11 лет из партии выбыло и исключено 93 тыс. человек. (Гамарник: Сколько?) 93 тыс. человек. (Гамарник: Ого!) А в партии у нас сейчас 44 тысячи коммунистов... (Голос с места: Это за 10 лет?) т.е. в два с лишним раза больше людей, которые прошли через партию за эти годы!»³⁹. Сказанное выше — ситуативная, но одновременно и яркая иллюстрация масштабов «Большого отсева» раннесталинского времени (впрочем, и позднесталинского тоже), ещё ждущая своих вдумчивых исследователей.

Следует отметить, что представленная уральскими историками коллективная работа при некоторых критических, но, безусловно, позитивных оценках может быть маркирована (в авторской терминологии) как очень профессионально реализованный *демонстрационно-познавательный проект*, заставляющий читателя в очередной раз поразмышлять над природой социальных систем и векторах их трансформации на отечественной почве.

³⁹ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 5.